

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ В ФОРМИРОВАНИИ СЛОВЕНСКОЙ НАЦИИ

© 2020 г. Н.Н. Старикова

Д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

nstarikova@mail.ru

В статье рассматривается роль литературы в процессе формирования национального самосознания словенского народа. Историческая судьба словенцев стала первопричиной особой миссии, которую осуществляла литература: через художественное слово шло для них осознание единства нации. На протяжении нескольких веков важнейшей задачей литературы была самоидентификационная, ведущей функцией — национально-охранительная. В немалой степени благодаря особому положению литературы внутри национальной мифологии, сохранению ею «кода» нации, амортизировался культурный и идеологический прессинг со стороны властей всех государств, в состав которых входила Словения.

The article considers the role of literature in the process of making national identity of the Slovenian people. The historical fate of the Slovenes became the root cause of the special mission that literature carried out: through the literary word they were realising the unity of their nation. For several centuries, the most important literature's objective had been self-identification, while its principal function the one of national security. Due to the extraordinary position of literature within national mythology and preservation of the «code» of the nation, the cultural and ideological pressure from the authorities of any state, which the Slovenian lands had been incorporated into, was amortised.

Ключевые слова: словенская литература, национальное самосознание, самоидентификация, книжно-письменная традиция.

Keywords: Slovenian literature, national identity, self-identification, book-written tradition.

DOI: 10.31857/S0869544X0011092-4

Литература сыграла значительную роль в процессе формирования национального самосознания словенского народа и во многом способствовала обретению им независимости. Историческая судьба словенцев стала первопричиной особой миссии, которую осуществляла литература: через художественное слово шло для них осознание единства нации. На протяжении нескольких веков важнейшей задачей литературы была самоидентификационная, ведущей функцией — национально-охранительная, то есть «вся мощь национальной жизни была сосредоточена в литературе» [1. С. 27]. Бессменно находясь на страже национальных интересов, защищая и культивируя национальные

ценности, литература на самых разных этапах словенской истории, и особенно в ее переломные моменты (1848, 1918, 1945, 1991), с одной стороны, становилась орудием внедрения в общественное сознание различных программ национального возрождения, с другой — стремилась интегрироваться в европейский литературный процесс. В немалой степени благодаря особому положению литературы внутри национальной мифологии, сохранению ею «кода» нации, амортизировался культурный и идеологический прессинг со стороны властей всех государств, в состав которых входила Словения.

Словенские земли, лежащие на границе четырех европейских природных регионов (Альпы, Паннонская низменность, Динарские горы и Средиземноморье), связывают Балканы с Центральной Европой; они были и остаются транспортным перекрестком северной Адриатики. Специфика географического положения, которое являлось предметом постоянного агрессивного внимания соседей, стала одной из причин длительного подчинения словенцев более сильным государствам. Предки современных словенцев поселились в восточноальпийских областях в середине VI в. н.э. К 620 г. они объединились в древнее государство Карантания, просуществовавшее почти столетие. Опасаясь нападений аваров, карантанцы в середине VIII в. прибегли к помощи соседей-баварцев, которые превратили их в своих вассалов и обратили в христианство. С разделением церкви словенцы попадают в сферу римско-католического влияния, становятся частью *Pax Slavia Latina*, что в дальнейшем и обусловило характер и особенности национального культурного развития. В 788 г. баварское государство, в состав которого уже входила вассальная Карантания, подчиняют себе франки. Восточное государство франков, вошедшее в 953 г. в Священную Римскую империю, создает на своих юго-восточных границах систему пограничных областей, ставших в позднем Средневековье словенскими историческими областями. Более тысячи лет словенская этническая общность не только не имела собственной государственности, но даже не являлась единой административной единицей, относилась к разным воеводствам, маркам, графствам, входившим в состав мультинациональных империй (Священная Римская империя, Габсбургская империя) и государств (Австро-Венгрия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Социалистическая Федеративная Республика Югославия). В XIX в. словенские исторические области Каринтия, Штирия, Крайна, Гориция, Триестская область и Истрия были разделены между шестью провинциями монархии Габсбургов, и только в двух словенцы представляли большинство населения. Административная раздробленность явилась одной из главных причин формирования провинциального самосознания. Как отмечает И. В. Чуркина, «словенцы, жившие в провинциях Крайна, Штирия, Каринтия и т.д., чувствовали себя крайнцами, штирийцами, каринтийцами, но не единым народом» [2. С. 323]. Сами термины «Словения» и «словенец» были введены в широкое культурное употребление только в 1850 г. Другой причиной замедления в развитии культуры была политика германизации, когда «государственная власть [...] открыто использовалась для торможения и подавления прогрессивных национальных процессов» [3. С. 40]. Словенское национальное самосознание формировалось в условиях «гетерогенного двуязычия» [4. С. 124], в постоянной борьбе за родной язык, школу, книгу, что не исключало, однако, и большого позитивного значения немецкоязычных культур для словенцев: вплоть до начала XX в. знакомство с достижениями мировой науки и культуры осуществлялось в Словении посредством немецкого языка, Венский университет стал колыбелью для большинства выдающихся словенских деятелей XVIII–XIX вв.

Словенская литература в процессе эволюции от зарождения до формирования системы жанров к концу XIX в. прошла ряд этапов, связанных с ходом европейской истории и сопоставимых с судьбами других европейских, в том числе славянских, литератур. Как и для многих из них, важнейшим для словенской словесности на протяжении столетий оставался вопрос сохранности и целостности родного языка. Основой словенской национальной традиции стало, в первую очередь, сознание своей языковой самобытности. «В условиях относительно ограниченных внутриэтнических экономических связей [...] и этнического единообразия территории, — пишет В. И. Фрейдзон, — общность литературного языка приобретала исключительное значение» [3. С. 41]. Главным следствием христианизации предков словенцев в VIII в. стало их приобщение к латино-славянской культурной зоне. Словенский язык вынужден был пройти через серьезные испытания: его литературно-письменная традиция была в период с XI по XVI в. прервана в своем развитии. Основы словенского литературно-письменного языка были заложены в XVI в. в период европейской Реформации. Благодаря деятельности протестантов Приможа Трубара, Юрия Далматина, Адама Бохорича, Себастьяна Креля словенцы получают первый букварь (1551), полный перевод Библии (1584) и первую грамматику (1584). В настоящее время Республика Словения — единственная европейская католическая страна, на государственном уровне отмечающая день Реформации в знак уважения к заслугам протестантов. В период барокко духовная культура Словении тесно связана с западноевропейскими религиозными движениями и испытывает влияние контрреформации. Литературно-письменная традиция развивается в религиозном русле, литературное творчество носит по преимуществу религиозно-этический и дидактический характер. В эпоху просвещенного абсолютизма с проникновением в словенскую культуру просветительских идей художественное слово на родном языке снова активизируется, появляются первое периодическое издание — альманах «Писанице» (1779) и первый сборник светской поэзии Валентина Водника «Стихотворные опыты» (1806). В последней трети XVIII в. одновременно со становлением движения национального возрождения ускоряется и интенсифицируется литературный процесс, развиваются газетное дело и журналистика, открываются библиотеки, театральные и культурные общества.

Борьба за национальное самоопределение, за равноправие среди других народов, за развитие словенского языка и культуры ускорила переход от религиозного к светскому типу сознания. В годы существования Иллирийских провинций (1809—1813), когда «кодификация общенационального литературного языка и преподавание на нем в школах, выход в свет грамматик и словарей [...] знаменовали крупный шаг [...] в консолидации нации» [3. С. 41], создаются предпосылки для формирования национальной модели романтизма. Период романтизма в словенской литературе стал не только проверкой языковой и культурной жизнеспособности нации, но и эпохой секуляризации, временем освобождения личности от предрассудков, от целой системы ограничений, временем ниспровержения авторитетов. Ставшее более доступным образование начало формировать общественное сознание и массовую культуру, а литература к началу XIX в. получила новый, особый социально-языковой статус. Художественное слово постепенно выходило за рамки культурного опыта определенного социального слоя, отвоевывая место, прежде принадлежавшее религии. Словенская романтическая поэзия стремилась через слово привить читателям вкус к новой литературной эстетике, к ее особому миру жанров и стилей. Начиная с романтизма, литературный процесс активно дифференцируется,

актуальным становится принцип свободы творчества, поиск новых эстетических ориентиров. Наряду с творчески созидательной расширяется и действие комплементарной функции, дополняющей национальный опыт опытом зарубежных литератур.

Вектор развития романтической литературы в Словении определило творчество Ф. Прешерна (1800–1849), талант которого сопоставим с творчеством его великих предшественников и современников: «То, что для англичан Шекспир, для французов Расин, для итальянцев Данте, для немцев Гёте, для русских Пушкин, для поляков Мицкевич, — для словенцев Прешерн», — писал первый биограф Прешерна Й. Стритар [5. S. 78]. Благодаря глубине поставленных философских вопросов, лиризму мироощущения, выразительности и отточенности формы, поэзия Прешерна имеет огромное значение для самого факта существования словенской литературы, а значит, и национального самосознания. Прешерн оказался в прямом смысле слова первопроходцем, ибо осваивал мастерство художественного слова, не имея за плечами не только прочной литературной традиции, но даже общенационального литературного языка. Соединив высокий слог европейского романтизма и родной для него верхнекраинский диалект, поэт создал лирику широчайшего диапазона — от веселого амфибрахия анакреонтических стихов до таких изысканных форм мировой поэзии, как сонет и газель, освоил жанр эпической поэмы. Он первым начал отстаивать право на свободу творчества и одним из первых не только заговорил о необходимости создания национальной литературы, соответствующей мировым образцам, но и воплотил эти идеи в жизнь. В дальнейшем спор о том, какой путь должна избрать литература — религиозно-дидактический или высокохудожественный, на кого ориентироваться: на читателя из народа или на образованную аудиторию, не утихал несколько десятилетий.

После революции 1848 г. в Словении происходят серьезные общественно-политические и экономические изменения. Под натиском наступающих буржуазных отношений село разорялось и сельское население мигрировало в города. Там, в свою очередь, шло политическое и социальное расслоение горожан, что вело к усилению роли различных движений в общественной жизни и ее политизации. В этой атмосфере оказались востребованными идеи русских революционных демократов. Теоретические и литературно-критические работы Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и сама русская литература использовались словенскими культурными деятелями в борьбе за утверждение реалистического художественного мышления, за превращение литературы в одно из активнейших средств общественного влияния. «Путешествие из Литии в Чатеж» Ф. Левстика (1858) и «Наш кругозор» Ф. Целестина (1883) стали своеобразными манифестами национального реализма. При этом литературная критика несколько опередила художественную практику: реалистические тенденции в 1850–1880-е годы сосуществовали в словенской литературе с элементами романтизма, ярким примером, как отмечает Я. Кос, здесь является сказочная повесть Левстика «Мартин Крпан» (1858) [6. S. 133]. Пробел между теорией и практикой некоторое время восполнялся переводами зарубежных, в том числе русских авторов. Во второй половине XIX в. были переведены многие произведения Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского. Основы народной жизни, связанные у словенцев с аграрным укладом, выдвинули на первый план сельскую проблематику. В центре внимания большинства писателей-реалистов оказалось разрушение вековых патриархальных устоев и этических норм, обезземеливание крестьянства, эмиграция населения за пределы страны. При этом включенность в общественную жизнь,

приверженность общегуманистическим ценностям и понимание высокой национальной миссии художественной литературы помогали словенским писателям избежать замыкания на местных проблемах и увидеть в них проблемы общенациональные. Нелегким для них стало освобождение от идеализации патриархальной этики. Оно происходило через освещение актуальных проблем капитализации деревни и города, господства бюрократических порядков и институтов, что усиливало острокритическое начало и ускоряло шедшие в самом реализме процессы — его демократизацию, рост аналитического мышления, драматизацию общественных и личных конфликтов и духовных коллизий, расширение палитры изобразительных средств (например, использование сатиры как средства социального анализа).

К концу XIX в. в словенской литературе окончательно складывается система жанров и инфраструктура литературной жизни, национальная словесность упрочивает свое место в общеевропейском культурном контексте. Она не только успешно усваивает опыт «больших» литератур, но и делится с ними своими достижениями. Словенское население активно вовлекается в вихрь капиталистических отношений: развивается буржуазия, растет численность рабочих, происходит массовое разорение мелких собственников. Видоизменение структуры патриархальных этносов сказывается на переориентации старых и появлении новых партий и движений, при этом диапазон общественно-политических концепций и взглядов существенно расширяется. Реакцией на новые противоречия эпохи становятся, с одной стороны, критический взгляд на окружающую действительность, с другой — стремление уйти от нее в мир чистого искусства. В первом случае это дает толчок обновлению реализма и развитию натуралистических тенденций, во втором — словенского модерна, несущего в себе элементы декаданса, символизма, импрессионизма. Реалистическая литература, частично освобождаясь от национально-охранительного пафоса, наряду с углублением социального анализа, с расширением спектра общественных тем, вплоть до проникновения социалистических идей и пропаганды классовой борьбы, все более явно взаимодействует с модернистскими тенденциями, некоторые из которых начинают формироваться в течения. В обновленной реалистической прозе теснейшим образом переплетаются объективно-критическое и субъективно-лирическое начала, натуралистическая жесткость и лиризация. К началу века относится расцвет творчества выдающегося прозаика, драматурга и общественного деятеля И. Цанкара, соединившего реалистические традиции с новаторским их обновлением [7. S. 114]. С деятельностью этого писателя-демократа связано существенное обновление словенской литературы на тематическом, жанровом и стилевом уровнях. Многие его произведения имеют глубокий, отчетливо выраженный социально-критический смысл, а порой превращаются в открытое обличение существующего общественного строя, в обобщенно-символической форме утверждают идею революционного переустройства общества. Упрочивая критико-реалистическое начало, Цанкар создает свою художественную систему символов, импрессионистических и сатирических элементов, подчиненную объемному и многоликому изображению жизни Словении. Его произведения стали определяющими для литературы рубежа XIX—XX вв. — важнейшего этапа в развитии национальной словесности. Этот период характеризуется не только ускорением и усложнением литературного процесса, формированием новых течений и тенденций, но и появлением у словесности новых качеств и возможностей. В это время словенская литература вышла на уровень ведущих европейских литератур, именно эти годы во многом определили будущее ее «лицо» в XX в.

Прогрессивные идеи литературы и искусства европейского запада и востока, севера и юга, попадая на словенскую почву, проходили проверку национальной доминантой, рассматривающей их, в первую очередь, с точки зрения практических потребностей национальной словесности. Это, в частности, привело к нарушению классической парадигмы литературного процесса: одновременному проявлению разнотадимальных признаков, более позднему овладению некоторыми жанровыми формами, слабой выраженности отдельных художественных направлений. Однако несмотря на все объективные и субъективные причины, исторические катаклизмы, неравномерность культурного развития словенцам удалось сохранить родной язык и национальные традиции и создать литературные произведения, занимающие достойное место в ряду европейских художественных достижений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. М. А. С. Пушкин. Биография писателя // Пушкин. СПб., 1997.
2. Чуркина И. В. Национально-политические идеи словенцев в 1848 — начале 70-х годов XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
3. Фрейдзон В. И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
4. Толстой Н. И. Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
5. Stritar J. Pravo Prešernovo življenje pa so njegove poezije // Mušič J. Sodobniki o Dr. Francetu Prešernu. Ljubljana, 1989.
6. Kos J. Primerjalna zgodovina slovenske literature. Ljubljana, 2001.
7. Grdina I. Ivan Cankar: portret genija. Ljubljana, 2018.